

Вызов пришёл менее часа спустя и Робаут немного удивился, что это заняло столько времени, учитывая оперативность, с которой могли общаться жрецы Марса. Короткое сообщение от архимагоса Котова не дало ключа к разгадке относительно характера предстоящей аудиенции, но Робаут не сомневался, что за демонстративное пренебрежение законами последует немедленное прекращение всех привилегий на борту “Сперанцы” и разрыв контракта с Механикус.

Пара высокофункциональных сервиторов-лакеев в светло-кремовых одеждах сопровождала его через позолоченные двери апартаментов Котова, богато украшенному помещению с множеством приёмных, библиотек и вспомогательных залов, которые ответвлялись с математической точностью.

Он чувствовал себя, словно осуждённый убийца на пути на казнь, но всё же это его мало беспокоило. Робаут был готов принять любое наказание, которое Котов сочтёт нужным, станет это лишением свободы или казнью, но в тоже время собирался сражаться изо всех сил, чтобы опала не коснулась его экипажа.

Сервиторы привели его в огромный круглый зал с высокими мраморными колоннами, поддерживающими сводчатую крышу, которая была добрых триста метров шириной и украшена фресками с изображением ранней колонизации Марса. Сложные голографические модели сакральной геометрии, священных алгебраических уравнений и тригонометрических доказательств парили между колоннами, бесконечно пересчитывая сами себя от начала и до конца.

Вдоль изогнутых стен стояли сотни безголовых манекенов, подставок для доспехов и частей роботизированной арматуры, но вскоре Робаут понял свою ошибку, когда узнал несколько из них, служивших Котову телами во время экспедиции. Сервиторы остановились в центре зала, молча указав, что Робаут должен ждать и ушли.

Робаут повернулся, рассматривая фреску на внутренней поверхности купола, и понял, что это была огромная карта Марса, а в центре располагалась гора Олимп, словно Робаут смотрел на неё сверху. На её головокружительном пике стоял воин в красной броне над связанным человеком с кожей из серебряных чешуек. Воина окружало множество артистов, поэтов и музыкантов, каждый из которых являлся признанным мастером в своём искусстве. Голову воина окружал золотой ореол, и его лучи омывали Красную планету, как благотворные потоки знания, освещавшие далёкие уголки мира.

- Я полагаю, она называется “Марс побеждает невежество”, господин Сюркуф, одна из последних работ Антониса Классенса перед его безвременной кончиной во время легендарной наночумы в улье Рожник во время Объединительных войн, - произнёс архимагос Котов, появляясь из восточных проходов, если верить компасу на фронтоне. - Она лежала, выцветая и разрушаясь, в забытом хранилище под Фарсидским нагорьем и я потратил немалую сумму для её восстановления и перевозки на “Сперанцу”.

На эту аудиенцию Котов пришёл в одеждах, в которых он больше напоминал архимагоса, чем рыцаря в нефритовой или золотой броне. Чёрно-белые узоры в форме шахматных клеток

украшали подол его облачения, а щёлкающие и жужжащие механодендриты окутывали тело, словно электромагнитная проводка. Архимагоса сопровождали два сервитора-лакея с приятными лицами, а также Таркис Блейлок и пара закованных с ног до головы в броню скитариев, наплечники которых инкрустировали золотыми драконами.

- Очень впечатляюще, - сказал Робаут, удивлённый, что Котов не начал с бинарной тирады, обличая двуличие вольного торговца.

- Это - пропаганда и история, замаскированные под искусство, - произнёс Котов тоном учителя. Он откинул капюшон, прежде чем продолжил. - Каждая деталь работы Классенса насыщена символами и метафорами, большинство из которых стёрло время или мы не можем их понять, но кое-где ещё осталась возможность интерпретировать смысл, скрытый за изобразительными элементами. Связанного человека, например, можно принять за символизацию пуританской секты современных монотеистов или же просто за физическое воплощение невежества.

Котов указал на место, похожее на пещеру в конце лабиринта длинных каньонов, которые ломали ландшафт, словно расползавшаяся паутина фрактальных узоров. Что-то серебристое блестело в пещере, но было невозможно разобрать, что именно.

- И вы видите пещеру? Если верить досужим домыслам, то она ведёт в...

- Архимагос, - перебил Робаут. - Вы же вызвали меня не ради урока истории искусств, поэтому может сразу перейдём к делу? Не сомневаюсь, что магос Блейлок произнёс уже достаточно напыщенных речей, поэтому просто скажите, что хотите сказать и покончим с этим, потому что я в не настроении для проповедей.

Котов кивнул и произнёс. - Хорошо, господин Сюркуф. Обойдёмся без так любимого людьми обмена любезностями. Да, Таркис уже сообщил мне о своих изысканиях относительно подлинности вашего каперского свидетельства. Не могли бы вы прокомментировать его обвинения?

Робаут пришёл, ожидая получить разнос от архимагоса, и не предполагал принять участие в обсуждении произведения искусства эры Объединения или получить возможность выступить в свою защиту. Ощущение, что у аудитории есть подтекст, который неизвестен Таркису Блейлоку, позволило Робауту слегка расслабиться.

Если Котов собрался бы отдать его на растерзание, то не стал бы заниматься всем этим бессмысленным фарсом, предлагая путь к спасению. Так хорошо послужившие Робауту в прошлом инстинкты, говорили, что его голову не собираются водрузить на пику. Робаут испытывал растущее чувство, что из этой ситуации можно выпутаться, но для этого нужно взять инициативу в свои руки и держать её столь же крепко, как мать новорождённое дитя.

- Вы не против? - спросил он, вытаскивая сигару из нагрудного кармана.

- Можете подойти ближе, - разрешил Котов. - Химикаты в дыме не окажут на меня никакого эффекта.

Робаут кивнул и с благоговением зажёл сигару зажигалкой, висевшей на цепочке карманного хронометра. Он глубоко затянулся и улыбнулся, когда вкус нагретого древесного дыма с налётом ванили и корицы пробудил множество воспоминаний.

Робаут протянул зажжённую сигару Котову:

- Я купил её двадцать лет назад на Анохине в коммерческом районе улья Искандер, - произнёс он, начав прохаживаться вокруг купола. Свет священной голографии омывал его лицо мягким синим сиянием. - У продавца был табак со всего субсектора, хотя один Император знал, как он его доставал. Он был явно не из тех, у кого есть связи в верхних эшелонах торговых картелей, но разрази меня гром, он обладал великолепной коллекцией скрученных листьев. Вы знаете, что этот сорт сигар любит сам лорд милитант генерал сегментума Пацификус?

- Знаю, - ответил Котов. - Я в курсе слабостей очень многих высокопоставленных людей, но какой смысл в вашем упоминании?

- Терпение, архимагос, - сказал Робаут с растущей уверенностью, потому что видел явное изумление Блейлока, который не понимал почему Котов сразу же не перешёл к оглашению наказания. - Для вас Механикус всегда важна цель, но порой цель - в рассказе о рассказе. Вы вызвали меня сюда, чтобы я отчитался в своих действиях, поэтому позвольте сначала рассказать историю и перевести дух.

- Хорошо. Рассказывайте.

- Вы знаете, что эльдары, которые спасли меня из обломков "Наставника", в конце концов, оставили меня в системе Коалит?

- Да, - ответил Котов, подстроившись под его шаг вдоль внутренней окружности купола, Блейлок следовал за ними в клубах дыма. - Это вы уже говорили.

- Они не оставили меня с пустыми руками, - продолжил Робаут. - Ремесленник эльдаров по имени Ирландриар подарил мне стазисный сундук с уникальным замком, тот, где я хранил катушку памяти "Томиоки", помните?

- Очень хорошо помню, - ответил Котов.

- Да, ну что же, он не был пустым, когда его дали мне, - сказал Робаут. - Он был заполнен тем, что их огранщики считали мусором, но для нас являлось бесценными драгоценными камнями.

- Зачем ремесленник эльдаров сделал это?

- Не знаю, он ушёл, прежде чем я успел спросить. Возможно он таким образом прощался или хотел сделать так, чтобы я не пережил ад на "Наставнике" только затем, чтобы умереть в сточной канаве на первой же планете, где они высадят меня. В любом случае это открывало определённые возможности и при помощи этих драгоценных камней я начал успешную карьеру... по продаже экзотических ювелирных украшений.

- Незаконной продаже ювелирных украшений, - поправил Блейлок. - Торговля ксеноартефактами - преступление, которое карается смертной казнью.

- Тогда вы понимаете, почему я пропустил эту часть своей истории, - сказал Робаут, пренебрежительно пожав плечами. - В любом случае я скоро заработал себе имя среди самодовольной элиты Анохина, украсив декольте некоторых из самых высокопоставленных дам планеты. Конечно же, я не ограничился торговлей ксенодрагоценностями, а вложил средства в самые разные рынки: недвижимость на других мирах, пассажирские перевозки, доставка грузов, сделки с искусством, финансовые аферы, незначительная благотворительность и множество других очень прибыльных предприятий. Для уроженца Ультрамара оказалось почти неприлично легко стать одним из самых богатых людей планеты. Я владел роскошными виллами, небольшой флотилией трансорбитальных шаттлов и внутрисистемных судов, которые курсировали между каждой обитаемой планетой в пределах досягаемости.

- Но с деньгами такая штука, что когда их достаточно, чтобы жить, как король, их дальнейший заработок становится почти невыносимо скучным. Я получал огромную прибыль в каждом уголке системы Коалит, но этого оказалось мало. Дело не в деньгах, понимаете, у меня их было предостаточно, проблема в другом. Я хотел выйти за пределы системы Коалит, раздвинуть границы своих возможностей, но на моём пути стоял камень преткновения.

- Вам требовалось каперское свидетельство для свободной работы за границами системы.

Робаут показал сигарой на Котова и произнёс:

- В точку. И Адептус Терра точно не раздаёт их, как приглашения на вечеринку на Бакке. Насколько я помню, последними, кто получил его была семья, которая могла проследить своё происхождение до эпохи Отступничества, ну, по крайней мере, так утверждали, и процесс занял три века переговоров, фантастических бюрократических манёвров и щедрых взяток. Я не мог ждать так долго и поэтому договорился о встрече со старшим адептом Администратума на Анохине, человеком, для которого слово "безвкусица" стало вторым "я", и который являлся последней инстанцией в предоставлении такой документации вокруг Бакки.

- Я пригласил его на одну из моих вилл на роскошный ужин, чтобы показать некоторые из самых впечатляющих драгоценных ксенокамней, которые я придержал на всякий случай. В подобных ситуациях, когда я надеялся продать драгоценные камни эльдар, я прибегал к услугам одной хорошей знакомой. Назовём её Сиреной. Поверьте, архимагос, если бы вы или Таркис ещё сохранили какое-нибудь человеческое желание, вы оба мгновенно и безнадежно влюбились бы в неё.

- Вы собирались просто купить каперское свидетельство? - спросил Котов.

- Это слишком прямолинейно, - возразил Робаут, - но недалеко от истины. Я усадил Сирену за обеденный стол прямо напротив адепта, предоставив ему возможность в течение восьми перемен блюд любоваться новарубинами и глубоко-зелёными изумрудами, сверкавшими в свете свечей на облегающем вечернем платье. Всё это время "подруга" адепта на вечер, воплощавшая вершину плохого вкуса и присосавшаяся к нему, как паразит женщина, чавкала супом и кромсала мясо. Сирена всё время оставалась перед его глазами, и адепт сделал именно тот вывод, который от него и требовался: купив украшения и драгоценности для своей леди, он сделает её столь же прекрасной, как моя леди.

- Мы вдвоём много раз прибегали к этой психологической манипуляции, и иллюзия обычно крайне благоприятно сказывалась на моих сундуках с богатствами и портфелях ценных бумаг Сирены. Не говоря уже о том, что она должна была увеличить авторитет адепта в глазах его подруги, получившей впечатляющий памятный подарок, с которым мало кто смог бы сравниться. Все уходили счастливыми. Обычно.

- Получается что-то пошло не так? - спросил Котов и Робаут понял, что архимагос проглотил наживку.

- Нашего адепта заманила в ловушку безвкусная нимфа, облачённая в белый атлас, который цеплялся за её прелести гораздо слабее, чем она за кредиты своего патрона. К тому времени как мы поели, мне стало ясно, что неизменные гипнотические чары Сирены снова превзошли ожидания и что сделка будет скреплена за напитками и прекрасными сигарами.

- Адепт расположился в роскошном кожаном кресле с подголовником, а его подруга кокетливо свернулась в его ногах. Прекрасная Сирена снова специально села прямо напротив, чтобы не позволить исчезнуть очарованию её красоты. Я каждому налил бокалы дорогого амасека, индивидуальный подход, как вы понимаете, и протянул открытую коробку сигар, чтобы адепт мог выбрать любую из лучших в субсекторе. Хотя должность адепта позволила ему перепробовать множество экзотических удовольствий, ему ещё не представился случай выкурить самую прекрасную из сигар. Он внимательно наблюдал, как я снял ленту с моей и срезал кончик специальной гильотиной. Адепт, как и любой приличный ученик последовал показанному примеру, но, увы, скоро разразилась трагедия.

Робаут усмехнулся, смакуя момент и наслаждаясь нескрываемым нетерпением Блейлока. Фабрикатус-локум пришёл сюда, ожидая, что Котов колесует Робаута, но инициатива выскользнула из его рук, и вольный торговец не собирался её отдавать.

- Едва я опустил кончик сигары в амасек и зажёл спичку, как светская спутница адепта поднялась на колени, мешая ему видеть происходящее. Пытаясь подрожать тому, что как он думал видит, незадачливый адепт погрузил другую сторону сигары глубоко в амасек и поджёг промокшую часть. Взревело могучее пламя, оставив после себя большой обуглившийся комок. Беспомощно нащупывая пепельницу, изумлённый адепт махнул несчастной сигарой в воздухе, отправив почерневший комок в декольте своей подруги. Леди не обгорела, но сильно обиделась и вопила такие ругательства, от которых покраснел бы надзиратель Муниторума, после чего

убежала в ночь, понося на чём свет стоит свою прежнюю истинную любовь и давая клятвы никогда не приближаться к нему ближе, чем на сто метров.

- Похоже, ваш план провалился, господин Сюркуф, - заметил Котов.

- Ничуть, - ответил Робаут. - Адепт оказался просто счастлив избавиться от столь надоедливой и затратной девицы, и сделал всё возможное, чтобы ускорить получение каперского свидетельства. С его помощью я легко смог проникнуть за неприступные стены бюрократизма и получить копии гололитических оттисков Администратума, необходимые для изготовления такого документа. Единственное о чём он просил - чтобы я потом их уничтожил.

- И вы?

- Конечно, я - человек слова, в конце концов.

- Не вижу смысла в этой бесполезной истории, - сказал Блейлок. - Она не имеет никакого отношения к вашему пренебрежению имперскими законами и законами Механикус.

- Потому что у вас нет души, Таркис. Вы не чувствуете необходимость отмечать любое событие эмоциональным воспоминанием, чтобы понять почему вещи происходят так, как они происходят.

Он протянул зажжённую сигару Котову и продолжил:

- Именно такая сигара вспыхнула и подарила мне каперское свидетельство. За день перед тем, как покинуть Анохин, я купил одну сигару в коммерческом районе и хранил с тех пор.

- С какой целью?

- Я знал, что это только вопрос времени, пока не выяснится, что моё свидетельство подделано, особенно в подобной экспедиции, поэтому если такая сигара ознаменовала начало моей карьеры вольного торговца, то такая же ознаменует и её завершение.

Котов кивнул, словно понял смысл рассказа Робаута:

- Да, красивая история украсила начало вашей карьеры вольным торговцем, господин Сюркуф, - сказал Котов. - Добавляющие правдоподобия смешные детали, как я подозреваю должны ослабить мой гнев на ваш продолжительный обман.

Робаут сказал. - Как бы то ни было - история правдива, но оказала ли она нужный эффект?

- Эффект не нужен, - ответил Котов. - Я и так знал, что ваше каперское свидетельство подделано.

Тишина между словами Котова и вспышкой недоверия Блейлока пролилась считанные секунды, но ощущение было такое, словно прошла геологическая эпоха.

- Вы знали, архимагос? Вы знали и всё равно позволили ему вести нас за пределы галактики?

- Конечно, я знал, Таркис. Вы думали, что я не изучил жизнь этого человека до мельчайших деталей, прежде чем поверил ему на слово о реликвии потерянного флота Телока? Может я и утратил свои миры-кузни, но я не утратил умение рассуждать и разумную осмотрительность. Я знал всё о встрече господина Сюркуфа с эльдарами, и о последующих деловых отношениях и использовании представителя Адептус Терра на Бакке. Точные детали, как вы получили каперское свидетельство оставались для меня тайной, но признаюсь, что ваш рассказ весьма меня позабавил.

- Архимагос, - возразил Блейлок. - Этот человек нагло врал о себе. Как мы можем считать сказанное или представленное им ценным? Каждый аспект его сделки с Механикус нужно подвергнуть сомнению. Каждый клочок данных и каждое сказанное им слово отравлено обманом и ложью. Исходя из обстоятельств получения каперского свидетельства, как минимум нужно конфисковать всю его собственность в пользу Механикус. Его корабль, богатство, команда и...

- Оставьте мою команду в покое, Таркис, - предупредил Робаут. - Они ничего не знали. Они считали "Ренард" законно лицензированным судном. Я не позволю вам наказывать их за мои поступки, вы поняли меня?

Котов поднял руку из механически обработанного серебра и произнёс:

- Господин Сюркуф, успокойтесь. Никто никого не накажет, какой в этом смысл? Мы далеко за пределами имперского космоса и то, что вы смогли организовать подделку такого сложного документа, красноречивей всяких слов говорит о вашей изобретательности и упорстве. Лично мне по душе, что такой человек ведёт меня в неизвестность, чем какой-то пижон, вырожденец и дурак, который получил своё свидетельство в наследство.

- Вы не можете оставить этот обман безнаказанным, архимагос! - сказал Блейлок.

- Какой обман, Таркис? - спросил Котов, указывая на голографические завесы света между колоссальными колоннами, поддерживающими купол. Робаут проследил за жестом Котова и увидел, как несколько эллиптических гексаматических уравнений исчезли, сменившись записью в Регистрате Импералис.

- Нет... - произнёс Блейлок, мгновенно обработав то, на что Робауту потребовалась секунда.

- Как только мне стало известно, что каперское свидетельство Сюркуфа - подделка, то я понял, что должен немедленно ратифицировать его, - сказал Котов. - Манифест экспедиции должны были внести в марсианские записи, и Монтес Аналитика обнаружило бы несоответствие задолго до отлёта флота.

- Вы подделали записи, - сказал Блейлок.

- Я внёс в них поправки, - уточнил Котов. - Физически каперское свидетельство господина Сюркуфа может быть подделкой, но по имперским записям он - законный вольный торговец и являлся им, начиная с прибытия на Анохин.

- Это - возмутительно, - прошипел Блейлок. - Вы не могли сделать это.

- Я - архимагос Адептус Механикус, - ответил Котов. - Я могу делать всё что хочу.

Из спускавшегося по орбитальной спирали шаттла "Ренарда" поверхность Гипатии напоминала рыжевато-коричневые пятна, которые чередовались с высокими массами колоссальных горных хребтов и бурными океанами. Судя по показаниям атмосферных ауспиков воздух был вполне пригодным для дыхания в течение непродолжительного времени, а геологическое ядро находилось в состоянии постоянного течения. Поверхность являлась тектонически активной, но достаточно устойчивой, чтобы выдержать промышленную флотилию сборщиков, которая направлялась для пополнения почти исчерпанных ресурсов "Сперанцы".

Линья занималась фоновой загрузкой и фильтрацией данных из кабины пилота, пока шла к гигантскому грузовому отсеку шаттла. Внутреннее пространство для экипажа трансатмосферного судна было тесным, что оказалось вполне ожидаемым на корабле, который являлся немногим больше, чем кабиной пилота, примагниченной и приклёпанной к экранированному от высоких температур складу. Впрочем, всё выглядело чистым и ухоженным, каждый перекрёсток коридоров чётко обозначен и разумно расположен. Время от времени в появлявшихся, словно из ниоткуда нишах она замечала любопытные безделушки в искусно освещённых витринах. Например, свёрнутый флаг с Эспандора, благодарность Механикуса, кадианская медаль и другие мимолётные намёки на характер экипажа.

Она считала эти личные штрихи на рабочем корабле странно архаичным и всё же замечательно человеческими.

Шаттл "Ренарда" был транспортным судном среднего размера, способным перевозить десятки тысяч метрических тонн груза и эксплуатационное состояние которого поддерживалось явно на уровне выше среднего. Линья не ожидала иного от такого человека, как Робаут Сюркуф, и улыбнулась, вспомнив его неловкие ухаживания после званого ужина в офицерской столовой кадианцев.

Она не жалела о том, что сказала ему, в конце концов, она сказала правду. Обычные люди без когнитивной аугментации почти не представляли интереса для адептов Культа Механикуса. Мелкие проблемы и различные уровни значимости, заключённые в бессмысленных ритуалах и

ненужном социальном общении, являлись практически непостижимыми для большинства техножрецов с искусственно развитыми мыслительными процессами.

Поднимаясь в Культе Маханикус, Линья изо всех сил старалась сохранить главную сущность человеческой расы, к которой принадлежала с рождения, но с каждым имплантантом, каждой жертвой органического органа или конечности это становилось всё сложнее. Она знала, что многие в марсианском духовенстве считали её поведение отклонением, возвратом к самым ранним дням трансгуманизма, когда даже малейшее изменение человеческого тела или кибернетическое дополнение к разуму рассматривалось с технофобным ужасом.

Она отметила изменение положения шаттла и вывела новую информацию на передний план, анализируя массу планеты, период вращения, перегелий, афелий, экваториальный диаметр, наклон оси и состав атмосферы.

Вулканическая активность на ближайшем к Гипатии спутнике, двигавшемся по хаотичной орбите Исидоре, потребовала корректировки курса, с чем Эмиль Надер справился с минимальным расходом топлива. Вместительные перерабатывающие тендеры висели на геостационарной орбите вокруг Исидора, их гидравлические установки глубокого бурения опустошили с десяток подземных пещер с обширными озёрами прометиума.

Второй спутник Синесий путешествовал по эллиптической орбите на самой дальней границе гравитационной зоны планеты, он представлял собой неспособный самостоятельно вращаться тяжёлый скалистый шар. Сотня горных машин Механикус приземлилась на его поверхность, разрывая и взламывая кору когтями величиной с башни хабов, чтобы сухопутные левиафаны смогли добраться до полезных ископаемых в верхней мантии.

Но настоящим призом была сама Гипатия. По расчётам отца планета находилась на ранних стадиях развития, кора ещё оставалась достаточно податливой, чтобы добыча драгоценных минеральных и химических ресурсов происходила с относительной лёгкостью. Весь флот сборщиков “Сперанцы” отправился на поверхность Гипатии и двух её спутников, потому что архимагос Котов хотел, чтобы пополнение запасов прошло с максимальной скоростью и минимальной задержкой на пути к миру-кузне Телока.

“Дитя Луны” и “Дитя Гнева” расположились на высокой орбите, “Сперанца” бросила якорь на низкой на расстоянии, которое Линья считала опасно близким к атмосферной границе планеты и непостоянной зоне гравитации, а “Мортис Фосс” путешествовал по спирали вокруг трёх кораблей. Магос Сайиксек загнал бригады до изнеможения, поддерживая стабильность траектории ковчега, но магос Блейлок подсчитал, что выгода в скорости оборота громоздких транспортов более чем возместит уровни риска.

Линья сравнила данные о Гипатии, предоставленные активными системами топографов шаттла, с полученной Галатеей информацией из когитаторов “Томиоки”, и нашла вполне допустимый уровень несоответствия, который являлся вполне ожидаемым между тем, что собрано с разницей в тысячи лет. Линья ни на йоту не доверяла Галатее, но данные пока не предоставили причину сомневаться относительно действий машинного интеллекта, как проводника огромных массивов информации. Линья вздрогнула, вспомнив, как рука-

манипулятор коснулась её щеки, словно непристойная пародия на прикосновение любовника. Галатея утверждала, что является разумным существом и поэтому “живым”, могло ли это означать, что она питала к Линье намерения, которые можно было считать неестественными?

Линья отбросила отвратительные мысли, когда тесный коридор со стальными панелями сменился огромным сводчатым грузовым трюмом. Она прочитала ноосферные данные, которые излучали системы шаттла: любопытную смесь страха и благоговения, и улыбнулась их противоречивой эмиссии.

На борту шаттла не было груза, но, тем не менее, в его трюме царил шумная многолюдная активность.

Сто или больше техножрецов с канидайскими символами легио Сириус окружали грозную массу металла, керамики и железа, которая стояла скованной в центре грузовой палубы, как опасное дикое животное в клетке охотника. Враждебный бинарный код доносился из аугмитов, и Линья ощутила острое чувство опасности.

Даже прикованный к палубе на время полёта “Амарок” оставался великолепным и смертоносным боевым титаном.

Принцепс Винтрас руководил десятком техножрецов и сервиторов, которые заканчивали перекрашивать бронированную верхнюю часть “Пса войны”. Повреждения, полученные на Катен Вениа, почти устранили, и Винтрас хотел лично убедиться, что все свидетельства ранения стёрты.

Военный рог титана взревел, эхом отозвавшись на грузовой палубе, и Линья переключила слуховые имплантанты, отфильтровывая самые жуткие воинственные ужасы воя.

- Как я понимаю, старшие принцепсы уладили разногласия? - спросил Виталий, подходя к ней вдоль располагавшейся перпендикулярно грузовой платформы.

- Похоже, что так, - ответила Линья.

Манифольд несколько дней горел после ссоры между Эриксом Скамёльдом и Арло Лютом, ярость их противостояния просачивалась в соседние когнитивные сети и заставляла системы по всей “Сперанце” вспыхивать и плевать позаимствованной агрессией. Что бы ни послужило причиной конфликта, его, по-видимому, уладили, поскольку возобновлённая энергия, с которой два принцепса координировали график непрерывных тренировок легио, просто поражала.

- Нет... - произнёс Блейлок, мгновенно обработав то, на что Робауту потребовалась секунда.

- Как только мне стало известно, что каперское свидетельство Сюркуфа - подделка, то я понял, что должен немедленно ратифицировать его, - сказал Котов. - Манифест экспедиции должны

были внести в марсианские записи, и Монтес Аналитика обнаружило бы несоответствие задолго до отлёта флота.

- Вы подделали записи, - сказал Блейлок.

- Я внёс в них поправки, - уточнил Котов. - Физически каперское свидетельство господина Сюркуфа может быть подделкой, но по имперским записям он - законный вольный торговец и являлся им, начиная с прибытия на Анохин.

- Это - возмутительно, - прошипел Блейлок. - Вы не могли сделать это.

- Я - архимагос Адептус Механикус, - ответил Котов. - Я могу делать всё что хочу.

Из спускавшегося по орбитальной спирали шаттла "Ренарда" поверхность Гипатии напоминала рыжевато-коричневые пятна, которые чередовались с высокими массами колоссальных горных хребтов и бурными океанами. Судя по показаниям атмосферных ауспиков воздух был вполне пригодным для дыхания в течение непродолжительного времени, а геологическое ядро находилось в состоянии постоянного течения. Поверхность являлась тектонически активной, но достаточно устойчивой, чтобы выдержать промышленную флотилию сборщиков, которая направлялась для пополнения почти исчерпанных ресурсов "Сперанцы".

Линья занималась фоновой загрузкой и фильтрацией данных из кабины пилота, пока шла к гигантскому грузовому отсеку шаттла. Внутреннее пространство для экипажа трансатмосферного судна было тесным, что оказалось вполне ожидаемым на корабле, который являлся немногим больше, чем кабиной пилота, примагниченной и приклёпанной к экранированному от высоких температур складу. Впрочем, всё выглядело чистым и ухоженным, каждый перекрёсток коридоров чётко обозначен и разумно расположен. Время от времени в появлявшихся, словно из ниоткуда нишах она замечала любопытные безделушки в искусно освещённых витринах. Например, свёрнутый флаг с Эспандора, благодарность Механикус, кадианская медаль и другие мимолётные намёки на характер экипажа.

Она считала эти личные штрихи на рабочем корабле странно архаичным и всё же замечательно человеческими.

Шаттл "Ренарда" был транспортным судном среднего размера, способным перевозить десятки тысяч метрических тонн груза и эксплуатационное состояние которого поддерживалось явно на уровне выше среднего. Линья не ожидала иного от такого человека, как Робаут Сюркуф, и улыбнулась, вспомнив его неловкие ухаживания после званого ужина в офицерской столовой кадианцев.

Она не жалела о том, что сказала ему, в конце концов, она сказала правду. Обычные люди без когнитивной аугментации почти не представляли интереса для адептов Культа Механикус. Мелкие проблемы и различные уровни значимости, заключённые в бессмысленных ритуалах и ненужном социальном общении, являлись практически непостижимыми для большинства техножрецов с искусственно развитыми мыслительными процессами.

Поднимаясь в Культе Маханикус, Линья изо всех сил старалась сохранить главную сущность человеческой расы, к которой принадлежала с рождения, но с каждым имплантантом, каждой жертвой органического органа или конечности это становилось всё сложнее. Она знала, что многие в марсианском духовенстве считали её поведение отклонением, возвратом к самым ранним дням трансгуманизма, когда даже малейшее изменение человеческого тела или кибернетическое дополнение к разуму рассматривалось с технофобным ужасом.

Она отметила изменение положения шаттла и вывела новую информацию на передний план, анализируя массу планеты, период вращения, перегелий, афелий, экваториальный диаметр, наклон оси и состав атмосферы.

Вулканическая активность на ближайшем к Гипатии спутнике, двигавшемся по хаотичной орбите Исидоре, потребовала корректировки курса, с чем Эмиль Надер справился с минимальным расходом топлива. Вместительные перерабатывающие тендеры висели на геостационарной орбите вокруг Исидора, их гидравлические установки глубокого бурения опустошили с десятков подземных пещер с обширными озёрами прометиума.

Второй спутник Синесий путешествовал по эллиптической орбите на самой дальней границе гравитационной зоны планеты, он представлял собой неспособный самостоятельно вращаться тяжёлый скалистый шар. Сотня горных машин Механикус приземлилась на его поверхность, разрывая и взламывая кору когтями величиной с башни хабов, чтобы сухопутные левиафаны смогли добраться до полезных ископаемых в верхней мантии.

Но настоящим призом была сама Гипатия. По расчётам отца планета находилась на ранних стадиях развития, кора ещё оставалась достаточно податливой, чтобы добыча драгоценных минеральных и химических ресурсов происходила с относительной лёгкостью. Весь флот сборщиков “Сперанцы” отправился на поверхность Гипатии и двух её спутников, потому что архимагос Котов хотел, чтобы пополнение запасов прошло с максимальной скоростью и минимальной задержкой на пути к миру-кузне Телока.

“Дитя Луны” и “Дитя Гнева” расположились на высокой орбите, “Сперанца” бросила якорь на низкой на расстоянии, которое Линья считала опасно близким к атмосферной границе планеты и непостоянной зоне гравитации, а “Мортис Фосс” путешествовал по спирали вокруг трёх кораблей. Магос Сайиксек загнал бригады до изнеможения, поддерживая стабильность траектории ковчега, но магос Блейлок подсчитал, что выгода в скорости оборота громоздких транспортов более чем возместит уровни риска.

Линья сравнила данные о Гипатии, предоставленные активными системами топографов шаттла, с полученной Галатеей информацией из когитаторов “Томиоки”, и нашла вполне допустимый уровень несоответствия, который являлся вполне ожидаемым между тем, что собрано с разницей в тысячи лет. Линья ни на йоту не доверяла Галатее, но данные пока не предоставили причину сомневаться относительно действий машинного интеллекта, как проводника огромных массивов информации. Линья вздрогнула, вспомнив, как рука-манипулятор коснулась её щеки, словно непристойная пародия на прикосновение любовника. Галатее утверждала, что является разумным существом и поэтому “живым”, могло ли это означать, что она питала к Линье намерения, которые можно было считать неестественными?

Линья отбросила отвратительные мысли, когда тесный коридор со стальными панелями сменился огромным сводчатым грузовым трюмом. Она прочитала ноосферные данные, которые излучали системы шаттла: любопытную смесь страха и благоговения, и улыбнулась их противоречивой эмиссии.

На борту шаттла не было груза, но, тем не менее, в его трюме царил шумная многолюдная активность.

Сто или больше техножрецов с канидайскими символами легио Сириус окружали грозную массу металла, керамики и железа, которая стояла скованной в центре грузовой палубы, как опасное дикое животное в клетке охотника. Враждебный бинарный код доносился из аугмитов, и Линья ощутила острое чувство опасности.

Даже прикованный к палубе на время полёта “Амарок” оставался великолепным и смертоносным боевым титаном.

Принцепс Винтрас руководил десятком техножрецов и сервиторов, которые заканчивали перекрашивать бронированную верхнюю часть “Пса войны”. Повреждения, полученные на Катен Вениа, почти устранили, и Винтрас хотел лично убедиться, что все свидетельства ранения стёрты.

Военный рог титана взревел, эхом отозвавшись на грузовой палубе, и Линья переключила слуховые имплантанты, отфильтровывая самые жуткие воинственные ужасы воя.

- Как я понимаю, старшие принцепсы уладили разногласия? - спросил Виталий, подходя к ней вдоль располагавшейся перпендикулярно грузовой платформы.

- Похоже, что так, - ответила Линья.

Манифольд несколько дней горел после ссоры между Эриксом Скамёльдом и Арло Лютом, ярость их противостояния просачивалась в соседние когитативные сети и заставляла системы по всей “Сперанце” вспыхивать и плевать позаимствованной агрессией. Что бы ни послужило причиной конфликта, его, по-видимому, уладили, поскольку возобновлённая энергия, с которой два принцепса координировали график непрерывных тренировок легио, просто поражала.

- Не знаю, как ты, дочка, - произнёс Виталий, радостно хлопнув в ладоши, - но я с нетерпением жду прогулки по Гипатии в божьей машине.

Энтузиазм отца по поводу предстоящего путешествия по поверхности на борту “Амарока” омолодил его на десятки лет, и он производил впечатление магоса, который разменял всего второй век. Он обнял её за плечи, и она почувствовала тёплый прилив его любви в своём инфотоке. Она помнила, как Робаут спросил, любит ли она отца и свой несколько пренебрежительный ответ.

Конечно, она любила отца, в такие моменты, как этот, его неуёмная радость всему новому служила полезным напоминанием о том, что значит быть человеком. Она попыталась удержать это чувство, но ядовитый поток гневного бинарного кода титана мешал сохранять любые мысли, кроме как о завоевании.

- Там будет тесно, - напомнила она. - "Пёс войны" не предназначен для перевозки пассажиров и от нас ожидают выполнения функций членов экипажа, которых мы заменяем.

- Да, да, я знаю, - сказал Виталий, теснее прижимая её. - И не сомневаюсь, что нам предстоит великое приключение.

Линья улыбнулась и согласно кивнула. - Хотя, надеюсь, не столь богатым на события, как экскурсия на Катен Вениа.

- Да, - согласился Виталий. - И ты уверена, что поправились, дорогая?

- Да, поправились. Все имплантанты, сгоревшие из-за перегрузки данными, заменены, а физические повреждения зажили.

- Я не только о физическом воздействии, Линья. Ты едва не погибла там. Аве Деус Механикус, я не хочу думать, что тебе может быть больно, от этих мыслей у меня стынет кровь.

- Твоя смесь масла и крови остаётся ровно на тридцати восьми градусах.

- Органический оборот речи, но ты знаешь, о чём я, - сказал Виталий. - Ты не должна была подниматься на "Томиоку", и я знал, что ничем хорошим это не кончится. Если хотя бы половина историй в старых журналах о Телоке истинна, то там обязаны были находиться автоматические защиты. Тебе не стоит идти и на Гипатию.

- Почему? Ты же идёшь.

- Ах, да, но я - старик на последней экскурсии в уже слишком затянувшейся жизни, - ответил Виталий. - Кто откажет мне в неповторимой возможности пройти по новорождённому миру в экипаже титана?

- Никто, - сказала Линья, загружая последнюю информацию о заходе шаттла на посадку.

- А, - произнёс Виталий, читая ту же информацию. - Вот мы и на месте.